

17 мая
2017 года

№34(1417)

СЛОВО

В начале
было Слово,
и Слово
было
у Бога,
и Слово
было Богом...

7

Литературный проект. Писательская организация «Слово» в газете «Димитровград»

«ОН – НАШ ЗЕМЛЯК, ОН – НАША СЛАВА!»

*Во Дворце книги прошел
ежегодный творческий конкурс*

Ребята из разных школ города рассказывали о героях Великой Отечественной войны, о жизни своих прадедушек и прабабушек в годы войны. Все работы были прекрасными и запоминающимися

*В младшей группе
до 12 лет
победителями стали:*

1 место
МИХАИЛ ЭПОВ
2 место
КИРА МАЛОВА
3 место
АРИНА КИРГИЗОВА

*Победителями
в старшей категории
стали:*

1 место
АЛЕКСАНДР МЫСКИН
2 место
КРИСТИНА ЧЕРНОВА
3 место
СОФИЯ ШАЙДУЛЛИНА

КОРОТКО

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОРОДСКАЯ ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА

3 мая открыта интерактивная выставка «В моей семье хранится», рассказывающая о ветеране Великой Отечественной войны Мишанине Михаиле Ивановиче, награжденном боевыми орденами и медалями.

4 мая состоялся литературный марафон «Читаем детям о войне», в котором приняли участие около ста учеников средних школ №№2, 9. Ребята познакомились с рассказами Анатолия Митяева «Подвиг солдата», «Длинное ружье»; Сергея Алексеева «Генерал Панфилов», «Подвиг у Дубосекова», «Талалихин»; Льва Кассиля «У классной доски». Ребята в свою очередь декламировали стихи о войне.

ДВОРЕЦ КНИГИ – ДЕТСКИЙ ОТДЕЛ

5 мая

Акция «ТРЕУГОЛЬНИК-ПИСЬМО К ПРАЗДНИКУ ПОБЕДЫ»
Учащиеся 3 класса лицея №25 узнали о том, как работали военно-полевые почтовые базы в Великую Отечественную войну, как появились солдатские треугольники - письма с фронта, о чем писали солдаты домой. Девочки из класса прочитали стихи о детях войны. Ребята научились складывать из листа бумаги письма-треугольники, написали письма-поздравле-

ния для участников ВОВ, работников тыла, оформили своими рисунками письма, чтобы 9 мая раздать письма и бумажных голубей участникам праздника.

Вы знаете сколько улиц города Димитровграда названы в честь героев и событий ВОВ, кто написал стихи к песне «Катюша», какими словами заканчивается стихотворение Константина Симонова «Жди меня» и как зашифровать тайное послание? А вот ученики средней школы могут привести свою команду к победе, зная историю, музыку и литературу своей страны.

6 мая на аллее Славы прошел патриотический квест «Огонь Победы» с командами школ Соцгорода. 6 мая 2017 года на аллее Славы администрация ЦБС Димитровграда и работники отдела обслуживания библиотеки «Дворец книги» провели патриотический квест «Огонь Победы» с командами школ Соцгорода. Выполняя задания на разных станциях, участники вспомнили историю Великой Отечественной войны, продемонстрировали знание творчества военных лет, проявили удивительную смекалку, выполняя «секретное задание». Первое место заняла команда МПЛ №5, второе место заняла команда МОУ СОШ №22 и третье место команда городской гимназии.

БИБЛИОТЕКА СЕМЕЙНОГО ЧТЕНИЯ ИМ. А.С.НЕВЕРОВА
4 мая сотрудники библиотеки провели патриотический час

«Минувших лет святая память», посвященный дню Победы в школе №17 для детей 4 класса. Ребята вспомнили страшное слово – война, и прекрасное слово – Победа! Из презентации узнали о подвигах наших героев. Так тяжело осознавать, что с каждым годом их становится все меньше! Наши ветераны... Они выстояли, не сломались и не сдались! Они не видели богатой и сытой жизни и умели довольствоваться малым, но они были счастливы, когда 9 мая узнали о Великой Победе над фашизмом!

ФИЛИАЛ № 2

4 мая для четвероклассников школы №19 провели громкое чтение «Читаем детям о войне». Ребята узнали о жизни и творчестве писателя-фронтовика Анатолия Митяева и с интересом слушали рассказы «Землянка», «Куриная слепота», «Носов и Назе», «Серьги для ослика», «Дедушкин орден».

5 мая прошла встреча поколений «Победа в сердце каждого живет». Ребята познакомились с малолетней узницей немецкого концлагеря Ольгой Яковлевной Копша, которая рассказала о трудном военном детстве, посмотрели сюжет о детях блокадного Ленинграда, с интересом выслушали рассказ «Маленький скрипач» и поздравили Ольгу Яковлевну с наступающим праздником Победы.

Сергей Владимирович ЗАЗИМКО (творческий псевдоним - Сергей Изуграфов), окончил в Димитровграде школу № 23 и Военный Институт в Москве. Офицер запаса российских спецслужб, владеет несколькими иностранными языками, поэт, переводчик, журналист, автор серии литературных произведений в жанре «классический детектив»

НАСТОЯЩИЙ ФИНСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Из цикла «Наши за границей»

Вернулся из Финляндии, где наших туристов стало значительно меньше, и вспомнилось мне на досуге, как мой старый добрый друг ездил отдохнуть с женой в знаменитый аквапарк «Серена» под Хельсинки. Недавно ездил. Сильно, говорит, удивился переменам, даже какому-то запустению. Последний раз был лет пятнадцать назад, тогда все казалось - по понятным причинам - новым, свежим, красочным, и еда была вкуснее, и вода чище, и в ресторане выбор больше, и персонал приятнее. Да и сам молодежь был лет на пятнадцать...

Вот в таких раздумьях он дошел до шкафчика, где надо было оставить одежду. Обычного шкафчика в бассейне. И снова к своему разочарованию обнаружил, что и здесь дело изменилось не в лучшую сторону. А надо сказать, что мой друг - мужчина видный, в теле, хорошо обеспеченный. Генеральный директор и совладелец крупной производственной компании. Одежду носит приличную, да и, понятное дело, много ее зимой, одежды-то: дубленка, шапка меховая, пушистый манерный свитер, брюки, белье, зимние ботинки... А шкафчик, говорит, такой, чтобы едва футболку с трусами разместить, - полметра на полметра!

Ну, что делать, раздевается он и начинает сначала аккуратно, а потом уже и просто отчаянно впихивать, втискивать, уминать и утрамбовывать свою одежду в этот шкафчик. Трамбует, а она выпадает, а он опять уминает, - и когда уже вроде все в порядке, тут до него доходит, что яичка-то платная! Просто так не закрывается, даже не дает ключик вытащить, написано: гоните один евро. А он, бедолага, взмыленный и уже уставший, вспоминает, что бумажник его - в кармане дубленки, а дубленка - в самой глубине проклятого шкафчика... Выругался он в сердцах, но достал все оттуда снова, вынул из кармана дубленки бумажник, взял пять евро, чтобы разменять в баре, остальное, потратив на это еще добрые пятнадцать минут, записнул обратно. Пошел в бар, разменял купюру по одному евро, четыре из них заплатил за какой-то коктейль, выпил его и пришел обратно в раздевалку, сунул монетку в гнездо, вытаскивал ключ, надел его себе на руку на резинке и пошел в спа-зону. А там в это время его супруга удивилась, куда муж затерялся.

Но вот посидели они в сауне, поплавали в бассейне, хорошо, говорит, отдохнули, проголодались, решили пойти в ресторан. Пошли по своим раздевалкам. Подходит он к ненавистному шкафчику, вставляет ключ, слышно, как монетка в один евро падает в монетоприемник, и дверца открывается.

Тут, говорит мой кореш, надо сделать небольшое отступление. Бывают в жизни такие моменты, когда у тебя перед глазами пронесется вся твоя жизнь, а ты стоишь, как дурак, только разеваешь рот и хлопаешь глазами, - так вот никогда еще ничего подобного не было у него в жизни, а тут - возьми и случись! Открыл он этот шкафчик - и рот разинул. Шкафчик был ПУСТ!

Ну, то есть, вообще - полностью и совершенно. Вот суки, почему-то подумал мой приятель в этот момент. Даже носки - и те уперли! И тут до него медленно начинает доходить, что он, весь такой красивый и обнаженный, - посреди Финляндии в одних плавках!! Ни денег, ни одежды, ни документов, ни телефона, ни кредитных карт. Плавки-то у него, конечно, хорошие, даже с кармашком. Да толку-то, когда на улице мороз в минус пятнадцать?

Постоял он, постоял, посмотрел с тоской на пустой ящик и решил, что надо идти к администрации: пусть полицию вызываю, кража крупная, денег всегда возил с собой наличными достаточно, да и одежда не на рынке куплена, а в приличных магазинах и за вполне приличные деньги. Решил пойти пообщаться. Но надо сказать, что иностранных языков друг мой не знает, по крайней мере, в том объеме, чтобы непринужденно пообщаться с администратором в такой шекотливой ситуации.

На ресепшн стояла девушка-финка, и как ни старался он ей что-то втолковать по-русски, сопровождая свой рассказ энергичными и красноречивыми жестами, она ничего не понимала, только растерянно улыбалась и пожимала плечами. А когда он с отчаяния стал демонстративно щелкать у себя на голом животе резинкой от плавков - единственного своего богатства - и жестом звать ее в сторону мужской раздевалки, мол, «пойдем, покажу чего!» - улыбаться перестала и нахмурилась.

Слава Богу, в очереди оказались наши люди, говорившие по-фински, они пришли на помощь моему приятелю, который уже начал багроветь верхней половиной тела и синеть нижней. С их помощью вызвали старшего администратора, финна лет сорока пяти, который и сопроводил моего друга к злополучному шкафчику. А администратор немного говорил по-русски. Стоят они, смотрят на ящик. Пусто, как есть - пусто! Ничего не поменялось.

«Ладно, - говорит финн, - брюки и ботинки мы вам, пожалуй, найдем, да и куртку какую-нибудь тоже. А вот что с вашими документами делать, не знаю. Надо вам в русское консульство обращаться, наша полиция выпишет вам справку...»

Говорит он это и рукой по дверцам соседних ящиков постукивает. Вот стукнул по тому, что слева, а дверца возьми и приоткрылась...

«А там, - говорит мой приятель, - ВСЕ мои шмотки! Это значит, что я дверцы перепутал у шкафчиков: положил в один, а закрыл - другой!»

Издан он громкий вопль восторга, схожий с ревом потревоженного нильского бегемота, и давай скорей вещи свои из соседнего ящика вытаскивать на глаза у обалдевшего финна. Вытаскивает и чуть не плачет от восторга, приговаривает: «Майн, майн, муа, мое, чтоб его! Да чтоб я еще хоть раз к вам сюда приехал, горите вы синим пламенем со своей «Сереной», ящики нормальные для одежды сделать не можете!»

Посмотрел на него финн, ничего не сказал. Молча ушел. Сдержанный народ, что с них возьмешь - северяне!

Из цикла «Моя семья и другие животные»

***

Провел сегодня с кошкой сеанс ППР. Был такой предмет у нас в Военном Институте почти тридцать лет назад: «партийная политическая работа», пока КПСС не отменили. Курсанты, недолюбливая этот предмет, окрестили его «посидели, по...дели, разошлись». Филологи-лингвисты могли сочно приложить.

Так вот, поймал я свою кошку, когда она вылезла из шкафа с одеждой и шлепала по дороге к миске с кормом, посадил перед собой на стул и давай проводить с ней «политическую беседу».

Мол, кто разорвал пакетик с таранькой и сожрал из него всю рыбку? Кто вылакал потом чай из моей кружки? Кто раскидал по полу чипсы, а половину из них нагло понакусывал? Кто шарится по ночам по большому обеденному столу, когда я на нем специально поставил табличку и крупными русскими буквами написал: «Кошкам вход воспрещен!»? Ты что, читать не умеешь? В интеллигентной семье живешь: мама - доктор, папа - писатель, - могла бы уже и подучиться!..

Чего ты, комок шерсти, всю ночь шастаешь, людям спать не даешь? Почему я среди ночи должен вскакивать в холодном поту, чувствуя, что кто-то на меня уселся и с хрустом вылизывается? Ты понимаешь, что такое правила общестия?»

В общем, разглагольствовал минут пять...

Уже не смотрю на кошку, машу руками, жестикулирую.

Вдруг слышу голос: «Ну, ты закончил? Все? Поест ли можно?» Вздрагиваю. Гляжу на кошку. Она на меня. Надо сказать, смотрит прямо-таки с немой укором. «А? - говорю ей несколько растерянно. - Чего?»

«Я говорю, у вас закончилась воспитательная беседа? - из-за моей спины спрашивает жена. - Я могу спокойно поужинать?»

Тут кошка слезла со стула и пошла по своим делам. Жена села на стул и занялась ужином, а я облегченно вздохнул: «Не послышалось...»

Кошка носом в миску ткнула, на меня посмотрела, мол, чего заснул? Насыпал этой усатой морде побольше корма. Смотрю на нее и думаю: «Ты только со мной разговаривать не вздумай вслух! А если уж это и неизбежно должно когда-нибудь произойти, давай оттянем этот момент как можно дольше...»

***

Пытался накануне перевоспитывать кошку. Я уже писал про все ее преступления против порядка в доме и недавнего ремонта в дочкиной комнате. Дерет стены, скотина, никак за ней не уследишь, никакие увещания на нее не действуют. Уж я ей и с русскими эвфемизмами, и с английскими, и с немецкими - прикидывается bestолом!

Когда я первый раз увидел лохмотья на месте новых обоев, сел на стул - ноги подогнулись - и первая мысль была: «Где, мать, мой дробовик?!» Жена спасла эту усатую морду единственным действенным способом: быстро поставила передо мной миску с дымящимися пельменями, пиалы со сметаной, рубленой зеленью и хреном, а потом уже задала риторический вопрос: «Рюмочку выпьешь?» Меня хватил только кивнуть. Я вообще человек непьющий, но под пель-

мени да после такой психологической травмы...

Я не верю, что это существо ничего не понимает. Все она понимает: и что ей говорят, и что она делает. При чем, ведь осознает, что плохо себя ведет. Чуть слышит мой шаг - и быстро свинчивает вниз по лестнице в прихожую и прячется среди одежды в шкафах. Жена: «Кошка тебя боится!» Правильно делает, мстительно думал я, нервно перебирая в коробке патроны 12-го калибра с картечью...

Но в последнее время, как мне показалось, она вошла в альянс с местным барашком, - два сапога, как говорится, пара: нашла себя другана, тоже мне... Теперь они вдвоем надо мной измываются.

После нашего с ней полу-часового разговора третьего дня стал я замечать, что все у меня валится из рук. Ну, натурально: сроду я не проливал и не опрокидывал ничего в холодильник, а тут как открою дверцу - то пакет молока перевернется, то дочкин молочный коктейль разольется, то банка сметаны опрокинется, то миска с салатом, - и все это, разумеется, эдаким «сюром» по полу, по холодильнику, а я - убираю...

Сначала я не придавал этому значения: дело-то житейское, но после четвертого опрокинувшегося пакета, трех разбитых чашек и одной салатницы призадумался. Нечисто дело, понял я, это уже не совпадения - это злой умысел!

Но надо было убежать на почту, чтобы получить посылку, и я решил отложить разборки до возвращения. Так и сказал этой мелкой шкиdle: «Мол, вот вернусь, - у нас с тобой разговор будет!» Та в ответ только усмиренно шевельнула. Взгляд мне ее еще тогда не понравился: хитрый больно взгляд был.

Ушел и дверь, как обычно, на два замка закрыл. Возвращаюсь через час, сую ключ в замок, - что бы вы думали? Вполоборота поворачивается ключ - и дальше не идет! Не открываюсь дверь, хоть лопни! Минут пятнадцать промучился, пока не понял, что влип. А

дверь у нас серьезная: металл, деревом обшит - хоть из пушки пали, чизовский штатный замок с вертикальными штырями, засовы боковые на четыре оборота.

Тут меня пробивает холодный пот: приплыли, думаю! Попал! Хорошо еще с утра, а не к вечеру - где б тогда семье ночевать? Пошел в машину, собрал инструменты, какие были, масло оружейное Балли-стол. Вернулся, снял накладку замка отверткой, все маслом пробрызгал, смазал как мог. Думаю, подожду: может, грязь какая попала, так эта смесь ее сейчас уберет, - и замок откроется как миленький.

Сижу тихо и слышу за дверью шорохи какие-то, мурканье, словно эта зверюга с кем-то общается.

Попробовал открыть замок - снова никак!

Смотрю на свой ключ - а у него один крайний зубец погну!

О как, думаю, еще утром все в порядке было, и как это называется? Опять же дверь я как-то сумел этим ключом закрыть? Думаю, заберу ключ у жены, благо работает недалеко, на соседней улице. Если с моим ключом какой-то барашка поработал, то, может, у нее не успел испортить?

Сказано - сделано: возвращаюсь с ключом жены, и - та-тарам! - дверь открывается, как по волшебству! И кого я вижу на ступеньках? Сидит наша велюровая гидра - и с таким хитрым выражением на морде! Ладно, думаю, один - ноль! Ваша взяла! Теперь моя очередь, я обязательно что-нибудь придумаю!

***

Что-то у меня снова накопилось много вопросов к моей кошке. Сегодня решил поговорить с ней по душам. С самого утра ее предупредил, мол, будет у нас с тобой серьезный разговор. Время назначил: в 20.00. Место: у дивана. В общем, «забил стрелку».

Опоздала, зараза, на пятнадцать минут. Пришла, села на ковер. Морда наглая, выражение отсутствующее, кончик хвоста нетерпеливо подрагивает, мол, давай по-быстрому, и я пошла, дела у меня важные,

некогда мне тут с тобой!

Но меня этим не пронять: и не такие были собеседники, - и те меняли тон...

В общем, говорю, дела твои обстоят следующим образом: все углы в доме ты ободрала, несмотря на собственные коготочки. Это, что называется, раз! Провод у мышки к дочкиному компьютеру ты перегрызла... Это два! В глаза смотри мне, говорю, в глаза! И нечего их закатывать! Закатывает она...

Провод от наушников к айпаду ты тоже перекусила на раз и замуслила так, что пришлось выбросить. Это уже три! Пакеты из ящика достаешь и грызешь, это четыре! Сколько раз говорили, что это вредно для твоего здоровья? Сколько? Два? Не ври, комок шерсти, минимум десять!

Сколько у тебя лотков на одну твою мохнатую задницу? Два? И подстилка? То есть, сразу три туалета? Так какого же рожна, спрашивается, ты регулярно умудряешься мимо? Что значит: «Все равно там кафель, и кому-то надо чаще нагибаться»? Поговори у меня!

Кто шляется по столу, хотя это запрещено строго-настро-го? Кто значит «почему?» и «вот еще!» Кто сказал? Я сказал! И еще раз говорю: по обеденному столу шляться не смей! То, что там в тарелках оставлено не про твою усатую морду, понятно? Что значит «А кому?» Все, что осталось мы сами доедим потом...

Причем тут ты, у тебя в миске вон сухого корма с горкой опять! Что значит: «Сами жрите это!» Совесть есть? Ты знаешь, что этот корм специально подобрался для тебя и очень полезен для твоего здоровья. Лишний вес очень вреден. Не хами! Не хами, говорю! Ну и что, что «ничего не сказала», - я услышал, что ты подумала!

В общем, так... Нету от тебя никакого толку. И тем более - прибавочной стоимости. Одни расходы и обесценивающиеся активы. Двадцать часов в сутки ты дрыхнешь, а четыре - пакостишь. Решил я тебя наказ... Куда? Куда ты собралась?!

С наглым видом уперлась в ванную комнату. Выдерживаю характер. Надо показать, кто в доме хозяин.

Через пятнадцать минут не выдержал, аккуратно заглянул. Сидит под раковиной и смотрит в глухой и пустой угол ванной. Да так смотрит, будто видит кого и ворчит глухо, словно жалуется... На меня ноль внимания... Стою, а волосы шевелятся, и мурашки у меня по коже.

Посмотрел я пару минут на это безумие, дверцу прикрыл аккуратно и на цыпочках к лестнице: решил, пойду-ка я из дому прогуляюсь! Свежий воздух, люди на улице, зайду в магазин, куплю этой сволочи повкуснее чего-нибудь, - надо ее задобрить, а то мало ли что... Не хватало мне в доме барашко-кошачьей фронды. Потом хоть из дому беги!

Уже, когда дверь закрывал, слышу, словно негромко смеется кто-то: один муркающий такой смех, а другой - хрипловатый, трескучий. Закрыл дверь, дошел на негнущихся ногах до лифта, не сразу попал в кнопку вызова...

Зашел в лифт, смотрю на себя, бледного, в зеркало и думаю: «Показалось, наверное!..» Заодно и до аптеки дошел. Надо же, как корвалол подорожал, безобразие!

Недавно, когда мы встречались с Евгением Степановичем Лариным у него дома, он очень переживая, взволнованно, говорил о том, что, судя по творческим публикациям последнего времени, которые он имел возможность прочесть в местной ли прессе, в прессе ли большего масштаба, почему-то в роли падчерницы - тема патриотизма. Мол, последний всплеск особой активности был в преддверии очередного Дня Победы. А переживает он и за молодых авторов, которые то ли страшатся брать за эту и другие серьезные темы, то ли они им не интересны... А меж тем происходящие на планете в последние годы события все ярче подтверждают, что нельзя нам так беспечно относиться ни к памяти, ни к истории, ни к патриотике...

И ведь прав писатель Евгений Степанович, прав 90-летний солдат Великой Отечественной! И обратившись к его творчеству, захотелось на страницах нашего литературного приложения опубликовать подборку стихов из книги «Вечный поклон», вышедшей к 55-летию Победы. Опубликовать, потому что об этом так сегодня в Димитровграде мало кто уже напишет

БЛОКНОТ

Целы немногие страницы,
Но до сегодняшнего дня
Мой фронтовой блокнот
хранится
Средь документов у меня.
Он был всегда везде со мною
В дни моих буден огневых:
В пути на фронт, на поле боя
И в час привалов фронтовых.
Полуслова, слова и даты,
Как вехи жизни боевой.
Я роюсь в памяти солдата,
Вдыхая дым пороховой...
Ах, память, память,
Ты, как море,
Тебе ни дна, ни края нет.
Ах, сколько горечи и горя
Ты вобрала за столько лет!
...Грохочет вражья канонада,
Пылают зарево огня,
И рвутся мины и снаряды -
И все в меня, в меня, в меня.
Гремят орудия и танки,
Весь горизонт заволочено.
Траншеи, дзоты и землянки...
Нет, ничего не заросло.
Мои окопные страницы -
Частица жизни фронтовой.
И вспоминается, и снится
Сорок четвертый грозовой.
Я все еще в стрелковой роте,
Я все по-прежнему в строю...
Я роюсь в огненном
блокноте,
Листая молодость свою.

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЙ

Я, вместе с друзьями
В сражении павший...
Накрыло нас в роще
Лавиной огня.
Я - павший,
Но числюсь:
«Без вести пропавший».
Убитым никто
Не увидел меня.
Друзей боевых
У израненной ели
Прошли осколками
Мины врага.
Меня ж разнесло.
От меня уцелели
Рука да нога,
Да лоскут сапога...
Друзья похоронены
В братской могиле,
Над ними зажглась
Из фанеры звезда.
И лишь обо мне
Почему-то забыли.
И лишь от меня
Никакого следа...
Нашли мои кости
Седые крестьянки,
Всплакнули молчком,
Вспоминая сынов.
Они и зарыли
Солдата останки,
На холмик земли
Наложив валунов.
Полвека салюты
Гремят над страной,
А вот надо мной -
Только плач соловья.
И скрылась от глаз
Под бурьяном-травою
Последняя эта
Высота моя...
Нас много еще,
За Отечество павших:
Лихих командиров,
Бойцов рядовых -
Без вести пропавших
И насмерть стоявших,

Но нет нас ни в мертвых,
Но нет и в живых.
Нас тысячи тысяч,
Ушедших навеки,
Презревших и смерть,
И опасность, и страх,
Нырнувших в моря,
Океаны и реки,
Сгоревших, истлевших,
Развеянных в прах.
От края до края
Встают обелиски,
И ходят к ним люди
Под шепот знамен.
Хранят обелиски
Бессмертные списки,
Но нет в этих списках
Лишь наших имен.
А все потому,
Земляки дорогие,
Что с нас, невинных,
Не сняли в и н у:
Есть люди, что думают -
Вдруг мы живые?
Живем за «бугром»
И предали страну...
Друзья, земляки,
Мы за Родину пали.
Мы к нашей Победе
С победами шли.
Да как это так -
Мы без вести пропали?
Да что же вы нас
До сих пор не нашли?
Ищите же нас,
В пути не жалеите
Затраченных сил,
Чтоб не было в мире
Пропавших без вести,
Забытых имен,
Безымянных могил.
Так пусть поминуют
И нас поименно,
Как всех, не пришедших
С великой войны.
Мы тоже в числе
Тридцати миллионов,
Оторванных с кровью
От сердца страны.
Ищите нас всюду,
Где скалы дробятся,
Ищите в ущельях,
В дремучем бору.
Быть может, пропавшие
Где-то таятся
В еще не открытом
Мужичьем... Яру.
Ищите всегда и везде,
Где придется.
Не зря же поется:
Кто ищет - найдет.
Пусть каждый
Пропавший без вести
Найдется.
Пусть каждый безвестный
И з в е с т н ы м
Придет.
Полсвета пройдите,
Друзья-следопыты,
Ищите, пока о нас
Память жива.
«Никто не забыт
И ничто не забыто», -
Да будут вам компасом
Эти слова!

ФРОНТОВЫЕ ФЕИ

Вере Соловьевой...

Поднявшись утром
по тревоге,
Мы шли к дороге напрямик,
А на колдобине дороги
Застрел трофейный грузовик.
И он такие вез трофеи,
Что защемило все сердца -
Три медсестры,

Три юных феи,
Три изумительных лица.
Мы вмиг машину обступили.
- А ну; давай, газуй, шофер!
- И взгляд украдкой косили
На милых русских медсестер.
А те бросают в нас остроты
И взоры, полные огней:
- Давай-ка, матушка-пехота,
Толкнем Германию сильнее...
- Рваните так же, как и деды,
Как древнерусские бойцы...
Еще чуточек - и победа...
Ну вот, спасибо, молодцы!..
И сразу девушки запели,
Машина двинулась вперед,
А мы, как будто онемели,
Нам ни до слов, ни до острот.
Хоть солнце нежно и ласкало
Лучами утренними нас,
И все ж, признаться,
не хватало
Чего-то каждому в тот час.
Шагала рота молчаливо
Под многострунный сосен
гул.
Лишь командир красноречиво
За роту целую вздохнул.

НЕ ВСЕ В ДУШЕ...

Не все в душе
Зарубцевалось,
И раны ноют и болят.
На веки вечные осталась
В сердцах
Тупая боль утрат.
Не позабыть
Родных и близких,
Кто навсегда
В боях уснул,
Над кем застыли обелиски,
Держа почетный караул.
Еще российские березы
Не затянули ран войны.
Еще блестят, застывши,
слезы

В ресницах матери-страны.
Еще печалются вдовицы,
Их скорбных плеч
Не разогнуть.
А незамужним
Часто снится
Дитя, щекочущее грудь.
Им, не качавшим колыбели,
Судьба безмерно тяжела.
И голоса их отзвенели,
И красота их отцвела...
Мы все прошли
Огни и воды.
Живем, творим,
Идем вперед.
Но боль души
Все эти годы
Живет
И нас переживет.
Она клокочет,
Кровоточит,
В ней жар тоски не затухал.
И точит сердце,
-Точит, точит,
Как точит ржавчина металл.
Мы можем все,
И лишь морщины
Не сгладить нам у матерей,
Не залечить ничем седины,
Не возратить им
Сыновей.
Мы поднялись упрямо
В космос,
Подняв из пепла города.
И лишь сынов,
Уснувших
В соснах,
Поднять не в силах
Никогда.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Когда по тихой улице села
Он шел с любимой
Под руку, бывало,
Ах, ни одна девчонка не спала!
Ах, не одна красавица
вздыхала!
Когда звенела свадьба из окна
На все село ликующей
двухрядкой,
Ах не одна девчонка, не одна
От этой свадьбы плакала
украдкой.
Когда стоял он

Насмерть под Москвой,
Когда горячей кровью
Захлебнулся,
То по ночам он
Снился не одной,
Но ни к одной
С Победой не вернулся.
И вот когда открыли
Монумент
В родном селе
Солдату рядовому,
Он по-мужицки встал
на постамент,
Почти напротив собственного
дома.
Как будто после фронтовых
дорог,
В счастливую минуту
возвращения,
Он увидел родимый свой
порог -
И вмиг окаменел от
восхищения ...
А земляки к солдату шли
и шли,
И бередило душу эхо боя:
Кто прижимал угрюмо
костыли,

Кто тер глаза
Единственной рукою:
- Привет, братишка!
- С возвращеньем, друг!
- Вот и опять ты
Повстречался с нами... -
И плакали поклонницы вокруг
Со взрослыми своими
дочерьми.
Глаза затмило мутной
пеленой,
А в сердце свет
Взволнованно лучился...
Пришел солдат с войны,
Но не к одной.
Ко всем в село
Навеки возвратился.

ДУША

Покуда бушует
Душа человека, -
Любой инвалид
Далеко не калека.
Достоинство о нем
Говорят, восклицая:
«Какой человек!
А душа-то какая!»
Но следует в жизни
Другого страшиться -
Лишиться души своей,
Сердца лишиться.
Не может же быть
Человек человеческим,
Когда называют его
Бессердечным ...
Коль сердце оглохнет
В груди человека,
Тогда человек
Без увечья - калека.
Тогда он несчастный,
Тогда он пропавший...
Вот он-то и есть
Инвалид настоящий.

БУДЬТЕ ДОБРЫ!

Ах, как много на свете
раненых,
Столько раненых - просто
страх!
На свиданиях, на собраниях,
-
Всюду слышится «ох» да «ах».
В ателье, в магазине,
В автобусе,
А порой - в кабинете врача...
Сколько тает людей
на глобусе
От бездушия, как свеча.
Хоть оружие
не огнестрельное,
Но и словом любой раним.
И наносятся раны
смертельные,
И стреляют свои по своим.
Кто ж они, эти черные
снайперы?
Кто - коварные эти стрелки,
Что любого сражают
намертво,
Нажимая, не дрогнув, курки?
Это чаще всего мы сами,
Не имея моральных прав,

Бьем друг друга словами-
камнями,
Не желая взнуздать свой
нрав.
Это чаще всего чинуши,
Что еще, к сожалению, есть,
Бьют без промахов в наши
души,
В самолюбие, в гордость
и честь.
Бьют ворчанием, бьют
молчанием,
Если к ним обратил ты взор,
Невниманием, незамечанием
С хладнокровием бьют
в упор...
Сколько нынче повсюду
раненых!
Кто их в мире учел и счел,
Оскорбленных и
провалерьянных,
И глотающих валидол?
Сколько их ни за что
оконфуженных!
И, наверное, нет числа
Не простуженным,
А контуженным
Разрывными фугасами зла...
Не глядите же, люди,
на врага.

Как недорого стоит
вежливость...
Почему ж она так дорога?
Почему оскудела в быте
Обходительность и простота?
Почему же в таком дефиците
Стали вежливость и доброта?
Почему равнодушие
и хамство

Существуют у нас по сей день?
Это ж массовое хулиганство,
Это ж прошлого века тень.
Это ж нами самими творятся
Беззаконие и произвол...
Государства -
И те садятся,
Ради мира
За круглый стол,
Чтоб свои разногласия
сгладить,
Подвести пониманья черту ...
Только мы все не можем
ладить
В повседневном простом быту.
Будьте ж, люди, в общенье
мудрее,
Укрощая страстей костры.
Люди добрые, будьте добрее!
А не добрые - будьте добры!

ВЕЧНЫЕ ЦЕННОСТИ

Меня в один из этих дней
Спросила группа молодежи:
«Что и милее и нужней?
Что и важнее и дороже?»
Какой ответ найду для них?
И есть ли доводы такие?
Из тысяч ценностей
людских
Я выбрал только основные.
МИЛЕЕ - мать, родная
мать,
Она нас жизнью наградила.
Все, что могла, сумела
дать.
Что с нею связано - все
мило.
НУЖНЕЕ - самый верный
друг,
Кто верен до самозабвения,
И пара рук его, как круг,
Что друг бросает для
спасенья.
ВАЖНЕЕ - правда, совесть,
честь.
Пока они на свете живы,
Пока они в сознании есть,
То меркнет все, что в мире
лживо.
ДОРОЖЕ - отчая страна,
О ней с пеленок нам
поется.
На всех у нас она одна,
И нам дух грани дней
дается.
Во все века и времена
Ей Вечность - вечная цена.
Не покупается она
И никогда не продается!

АЛЕВТИНА
ЗАЙЦЕВА

ВОТ ТАК ИХ, ГАДОВ НАДО БИТЬ!

Приказ - держаться
в обороне,
Все силы бросить на врага,
Стоять стеной в укреп
районе,
Тверда чтоб каждого рука!

Солдаты долго, чутко ждали,
Не зная незнакомых мест.
Глаза слезились и устали,
Смотря внимательно окрест.

И вдруг протяжный возглас:
«Во-о-о-здух!»
Волной моторов - жуткий
вой.
Закончен у солдата роздых,
Бомбежка втягивала в бой.

Летели «юнкеры» гурьбою,
В крестах фашистских неба
свод,
И щедро смертью огневою
Строчил на каждом пулемет.

Свист от фугасок рос
мгновенно,
От взрывов комья по спине.
На свете каждого жизнь
тленна,
Но так внезапна на войне.

Сразить стервятников
пытались
Зенитки, глядя в небеса,
Но все фашисты ухитрились
Сходить с фортуны колеса.

Свои налеты продолжали,
В пике снижались с высоты
И в игры бесовы играли,
Подняв со свастики хвосты.

И встал солдат в своем окопе,
В едино руки слив с ружьем,*
Приметив цель во вражьем
скопе,

Держа уверенно цевье.

Вокруг кричали: «Бей скорее!»
А он момента выжидал.
Когда фашист летел ровнее,
Патрон в него солдат послал.

Тот час же «юнкерс» клонул
носом,
Почти отвесно вниз упал.
Коснувшись лишь холма
откоса,
Сраженный насмерть,
запылал.

Солдат всей грудью
с облегчением
С улыбкой начал воздух пить,
Сказав с особенным
значением:
-Вот так их, гадов надо бить!

* Ружье противотанковое

ПОТОМКАМ ПОМНИТЬ БЕСКОНЕЧНО

«Вставай, страна,
на смертный бой!»-
Июньским утром прозвучало.
Пусть крепнет силой ратный
строй,
Победа пусть прервет начало
Войны, навязанной врагом.
Пусть не мечтает он глумиться
Над Русью вечной. Сапогом
Втоптать нас в землю
не стремится.

В надежде Родины сыны,
Что путь кровавый ненадолго,
Вернутся мирной жизни сны.
Но отступать пришлось
до Волги.

Четыре года - кровь и пот,
Разруха, голод, слезы, горе.
В плену фашистском рабский
гнет,
Победе - жертв несчетных
море.

И вот салюты по стране,
Услышав голос Левитана,
Что мир настал, конец войне
От Бреста и до Магадана.

И день весенний, светлый тот
Вошел в историю навечно.
Как шел к Победе наш народ,
ПОТОМКАМ ПОМНИТЬ
БЕСКОНЕЧНО!

ЛЮДМИЛА ДЕМИДОВА

ПАМЯТЬ

День Победы. Память об убитых,
О пропавших где-то, о домах
разбитых.
Память, как хранитель, лишь
она одна,
Помнит их фамилии, помнит имена.
Помнит фотографии стареньких
альбомов,
Письма-треугольники военных
почтальонов.
О подвигах — рассказы, что читали
в школе,
Не помнит и не знает лишь
предсмертной боли...
***

Боль от осколка мины, гранаты —
Не помним, не знаем и не виноваты.
А надо бы, ведь и такое бывает:
больно родным — и тебя, вдруг,
пронзает...
В миг, когда сын далеко умирает,
Мать эту боль, в тот же миг ощущает.
Если б давалось нам высшим
велемьем
Чувствовать боль, хоть в одном
поколенье...
Вздрогнешь от боли, уже
не заснешь,
Войны, убийства тогда проклянешь.
Если для всех будут правила эти,
Бойни не будет на нашей планете!

ВАЛЕНТИН МАНУХИН

НЕИЗВЕСТНОМУ
СОЛДАТУ

Я знаю — Он не оживет.
Таков, увы, земной закон.
Пусть много, много лет пройдет —
С Россией вместе будет Он.

Жить будет в памяти людской, —
Кто знал Его и кто не знал.
В бою Он нас закрыл собой —
Он жизнь свою за нас отдал...

«Спасибо, брат...», — ему скажу,
Когда к могиле вновь приду —
Частицу сердца положу
В Его гранитную звезду.

У БРАТСКОЙ МОГИЛЫ

Моим землякам, отдавшим жизнь
на кровавых полях сражений в ВОВ

Они погибли, как герои,
Ушли навеки в темноту,
Любя края свои до боли,
Свою судьбу, свою мечту.

Могильный камень дышит славой,
Железным мужеством солдат.
Здесь каждый день — бинтом
кровавым
За лесом падает закат.

А рядом — жизнь полна движенья,
Шумят пшеницею поля,
И в грудь вливается волненье
От звонкой песни соловья.

Они сейчас бы с нами жили,
Но не дошли всего лишь шаг.
Их кровь вскипает в наших жилах,
Рука сжимается в кулак.

Все, что они не завершили —
Судьба такая высока,
Им обещаем у могилы —
Мы завершим наверняка!

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

Я край свой родимый
люблю больше жизни,
В нем детство и юность,
мужая, прошли.
Мне нету дорожке любимой Отчизны,
Ее островка — моих предков земли...

И где бы я ни был, дела завершая,
В далеких краях вдруг взгрустнется
до слез:
Я вспомню свой город,
в лесу с Черемшаном,
И светлую радость весенних берез.

Пока я живой — я с тобою, Отчизна,
Просторы твои недоступны врагам.
Я землю родную, пусть знаю,
при жизни,
Как детство свое, никому не отдам.

Недаром мы долго
с подругой-шинелью
Шагали нелегкой армейской стезей,
Чтоб эту вот землю,
родную мне землю,
В годину лихую
закрыть смог собой...

ГОРОДИЩЕНСКИЕ ОСТРОВА

Прохладным осенним утром мы с друзьями, шестером на трех моторках поехали вниз по реке, решив провести выходные дни в Черемшанском заливе. Погода стояла отличная и через пару часов лодки причалили к одному из Городищенских островов. Свое неофициальное название они получили от старинного села, оставшегося на дне водохранилища. Лишь в очень засушливые годы, когда мелеют волжские заливы, речные острова появляются из воды и становятся уединенным приютом рыбаков и охотников. На этот раз у нас не было какой-то особой цели и, добравшись до берега, мы разбрелись по песчаным отмелям, просто отдыхая в тишине от городской суеты.

Прошло много лет и теперь мне не так ясно представляется окружающее речное пространство и уютивший нас клочок суши, временно оставленный водой. Вспоминаю, что остров был достаточно велик: пожалуй, около километра в длину и в полвину меньше шириной. Несколько небольших песчаных холмов не позволяли охватить взглядом всю его территорию. Сам остров находился почти в центре огромного залива, чуть ближе к левому берегу. Там, вдалеке темнело старинное село Рязаново. С другой стороны виднелась правобережная деревушка Сосновка и отдаленный от нее высокой лесистой горой поселок Ерыклинский. До любого берега было несколько километров.

Я уже говорил, что прежде здесь находилось село. Переселяясь на новое место, жители оставили ненужные вещи, и вся эта деревенская утварь оказалась потом на дне, а теперь появилась на песке перед нашими глазами. Чего только здесь не было! Повсюду валялись сломанные серпы и косы, битые горшки, печные ухваты и чугунные заслонки, ржавые ножи, вилки, ножницы и много-много других вещей, порой совершенно неизвестного предназначения. Меня же интересовали только монеты. Как рассказывали удачливые рыбаки, здесь находили не только медные, но даже серебряные деньги далеких петровских и екатерининских времен. Однако мне не везло. Исходив остров вдоль и поперек, я нашел всего лишь пару мелких медяшек, позеленевших от времени.

Увлечшись поисками, мы не сразу заметили, как изменилась погода. Нет, солнце светило все также ярко, но окружавшее нас огромное водное пространство стало совсем другим.

Теперь оно напоминало разъяренное звериное стадо. Дул сильный западный ветер и волны одна за другой накатывались на пологий остров. Начался обычный в это время шторм. Немало рыбаков погибло в этом мелководном заливе, когда холодные осенние ветра гнали лодки к берегу и разбивали о пенки, оставшиеся от вырубленных когда-то лесов.

Об отъезде не могло быть и речи. Пришлось остаться. К вечеру развели костер, поужинали взятыми с собой бутербродами, мы ведь не готовились к длительной поездке — и заночевали. Теплой одежды не было и всю ночь мы дрожали от холода, согревая у костра по спине, то застывшую грудь. Хорошо, что не было дождя!

Ветер не утих и на следующий день. Согретьшись на солнце, невольные робинзоны стали готовиться к следующей холодной ночевке, принося к кострищу выброшенные на остров бревна и доски. Быстро пролетел короткий осенний день, наступили серые сумерки. Охотники пошли к небольшому озеру в центре острова, рассчитывая подстрелить случайных уток. Их провожали снисходительными улыбками. Однако через час раздалась обнадеживающая выстрелы, и вскоре в котелке весело варился супчик из небольшого селезня и остатков крупы. Конечно, еды было маловато для шестерых, но все же легли не совсем голодные.

Ночью стал накрапывать дождик, и это было воспринято, как добрый знак, говорящий о перемене погоды. Так оно и случилось. Утром ветер немного утих и мы, с большим трудом преодолевая волны, смогли покинуть остров и вернуться в город. Там нас уже ждали. Еще рано утром спасатели хотели отправиться на поиски, но, видя перемены в погоде, решили немного подождать.

Закончилось недолгое бабье лето и потянулись серые октябрьские дни. Вспоминаю поездку, я мысленно возвращался на пустынный берег. И каждый раз испытывал досадное чувство разочарования. Конечно, в глубине души я понимал, что на острове не могло быть никаких сокровищ, но просто хотелось испытать радость неожиданных находок, пусть даже бесполезных. Это как поиски неведомого счастья. Кто может знать, что это такое? Иногда счастье это нечаянная удача, любовь, большая спортивная победа, а иногда — всего лишь порция мороженого. Теперь же возможные поиски откладывались на

неопределенное время, ведь далеко не каждый год мелеет Волга и желанные острова выходят из воды.

Но чудо случилось! В тот год холода наступили неожиданно рано, крепкие морозы ударили в конце октября. И самым главным было то, что снег еще не выпал. Прочный лед надежно сковал реку, а земля оказалась открытой и все предметы, лежащие на песке, были видны, как на ладони. Значит, размышляя я, если по льду добраться до острова, есть верные шансы наверстать упущенное.

Утренний автобус доставил меня в село Рязаново, от которого к берегу пришлось идти в темноте, наугад выбирая дорогу. Вскоре наступил серый рассвет, но и он не сразу помог мне, поскольку речная долина оказалась в густом тумане. Лишь когда поднялось солнце, я сумел выбрать верное направление и часа через два оказался на берегу. Далеко впереди, в самом центре ледяного поля, виднелся песчаный остров.

Осторожно двинулся я по совершенно прозрачному льду. Под ним таилась холодная бездна темной воды, подстерегавшая неосторожного пешехода, и чувство страха не покидало меня. Конечно, я понимал, что сильного течения здесь не было и что морозы надежно сковали залив, но мысли о возможных теплых родниках и коварных промоинах заставляли продвигаться медленно и осторожно, простукивая лед.

Неожиданно за спиной послышался шум двигателя, и я увидел мотоцикл, напрямик мчавшийся по льду совсем недалеко от меня. Это местные рыбаки, пользуясь удобной зимней дорогой, спешили к заветным местам. Все мои страхи и сомнения мгновенно прошли, я уверенно зашагал к острову и вскоре ступил на скованный морозом песок.

Пройдя некоторое расстояние, и внимательно оглядевшись, я радостно убедился, что путешествие, которое со стороны могло показаться рискованным и сомнительным, было не напрасным. Ветра сдули песок вокруг железных предметов, и они рельефно выделялись на фоне ровной поверхности. Невидимые раньше монеты, ради которых я пришел сюда, лежали теперь на небольших песчаных столбиках и были хорошо заметны. Объяснить это несложно: ветры выдули легкие песчинки, но часть песка, слегка уплотненного тяжестью металла, осталась под монетой. Получился небольшой грибок с медной или серебряной шляпкой.

Так бывает в горах, когда на подтаявшем снеге остаются сброшенные лавинами камни, лежащие на столбах плотного наста.

Разделив территорию на участки, я, не торопясь, обходил их и собирал доставшийся мне урожай, стараясь ничего не пропустить. Солнце светило, ветра почти не было, время не торопило. Синее небо, темный лед и серо-желтый песок довершали картину. Глядя на себя как бы со стороны, я представлял одинокого и очень счастливого человека, занятого может быть бесполезным, но таким интересным делом.

Группа рыбаков темнела вдалеке. Увлеченные подледным ловом, они долгое время не обращали на меня внимания. Но когда клев, по-видимому, прекратился, молодой парень подъехал на велосипеде и, не приближаясь, стал описывать вокруг меня большие круги. Наконец спросил:

— Иди рыбачить, там окунь подошел.

— Да я без удочек.
— А что делаешь?
— Деньги собираю.
— Из города, что ли приехал? — усмехнулся он и, не дожидаясь ответа, пошел назад.

Больше меня никто не беспокоил. Вечером я вернулся в Рязаново и на попутной машине добрался домой.

На следующий день все повторилось: холодный утренний автобус, долгий путь по мерзлой тропе и ледяному заливу и, наконец, неторопливая удивительная прогулка по острову. Как и следовало ожидать, на этот раз монет было меньше, зато в небольшом овражке мне попался старинный меч. Припорошенный песком, он был почти незаметен и, лишь споткнувшись об него, я разглядел изъеденное ржавчиной оружие.

Дома я долго перебирал свои «сокровища» — около сотни дореволюционных и столько же советских монет. Самыми старыми из них была «денга» 1735 и «полушка» 1736 годов. Когда порылся в нумизматических справочниках, стало понятно, что среди моих находок нет редких и дорогих экземпляров. Денежная лихорадка вскоре прошла, уступив место надежной рыбалке. Часть монет осела в коллекциях знакомых, другие потерялись во время переезда на новую квартиру.

Старинный меч по-прежнему со мной, он занял почетное место на стене рядом с репродукциями современных картин. Глядя на него, я часто вспоминаю о счастливом острове.

СВЕТЛАНА ЗАЗИМКО

Что никогда уже не сможем
Забить тебя,
Тебя вернуть.

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА

Так и хлещет, так и хлещет,
Так и льет по мостовой,
Пузырями в лужах плещет,
Гром гремит над головой.

В мокрых туфлях,
в куртке волглой
Я шагаю не спеша:
Лейся, дождик,
Долго-долго, —
Пусть омоется душа.

БУКЕТ

Стоят хризантемы. Я воду меняю, —
Они благодарно так долго цветут.
С нежностью тихой тебя

вспоминаю,
Хоть губы мои все ж на «ты»
не зовут.

Душа расцветает в такие
мгновенья,
Когда принимаю букеты цветов:
Они откровеннее всех заверений
И многозначнее сказанных слов.

Какая-то магия в этом сокрыта,
Могучая власть у такой красоты,
Что даже обиды бывают забыты,
Коль в доме есть вазы, а в вазах —
цветы.

ДЕТИ ВОЙНЫ

Мама. Братья. Сестра. Я — первая...
Только с нами здесь нет отца.
Сколько снимков таких, наверное,
Отправлялось на фронт бойцам!..

Годы минули... Мысли хмурые
Одолели опять меня:
Ту, далекую, белокурую,
Не признала б во мне родня.

Признавать-то уже и некому:
Я под солнцем — за всех — одна!

И в глазах, под набрякшими веками,
Сорок третий тот год — война...

И редеет мое поколение:
Все мы — «дети войны» —
так о нас...

Старым снимком — хотя б на
мгновение —
Возвращу свое детство сейчас.

НЕПОНИМАНИЕ

Струи бились в окна,
Дождь гулял по крыше,
Рассыпая в капли
Водяной запас.
В комнатах вечерних
Становилось тише
От нависших в доме
Онемевших фраз.

Что в душе назрело,
Что сжигало мысли,
Было невозможно

В звуки все облечь, —
И они молчаньем
Напряженно влились,
В корне заглушая
Будущую речь.

За окном темнели
Тополя нагие.
Шелестящий говор
Мелкого дождя.
На глазах рождался
Жанр драматургии,
Все другие жанры
Грустно обходя...

ВОСПОМИНАНИЯ

Реку не вычерпать до дна...

Не станут сутки покороче...
Когда душа удручена,
Ей все одно — и дни, и ночи...

Когда над нашей стороной
Восходит солнце в три обхвата,
Я вспоминаю, как когда-то
Его встречали мы весной,
Бродя за городом, в лесах,
По тропам тайным, удаленным,
И только птичьим голосам
Внимали трепетно, влюбленно.

Заря рассветная с небес
Свергала мрак недолгой ночи, —
И солнце, яркий день пророча,
Лучом пронизывало лес...

О, юности святая суть!
Ты, видно, тем еще дороже,